

Владимир
КОЛЬШКИН

ОТЕЛЬ
"НОСТАЛЬЖИ"

МИСТРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

18+

Владимир Кольшкин

Отель «Ностальжи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72760621

SelfPub; 2025

Аннотация

В отеле "Ностальжи" пропадают люди. Герой книги, сотрудник полиции, расследует это дело. Однако вскоре события разворачивается в неожиданную сторону. Можно сказать, фантастическую...

Владимир Колышкин

Отель "Ностальжи"

"Земная жизнь объята снами..."

Тютчев

ГЛАВА 1

Такси остановилось возле гостиницы. Егоров расплатился с шофером и вышел из машины. Гостиница имела вполне презентабельный вид: свежеекрашенное, двухэтажное здание с эркерами по бокам. Вопреки подспудному ожиданию, ничего зловещего в фасаде здания не наблюдалось, разве что была одна странность: упреждая темноту ночи, которая еще наступит только через несколько часов, над входом ярко горели неоновым синим огнем русские буквы нерусского названия гостиницы: "Ностальжи". По бокам оранжево мерцали откровенно заморские надписи: "Hotel" и "Restaurant".

Тяжелая дубовая дверь нехотя отворилась и впустила гостя в довольно мило и со вкусом оборудованный вестибюль. Евродизайн! За шикарнейшей стойкой работал человек в белом

смокинге. Его набриолиненные волосы блестели и переливались от света потолочных современных фонариков. Стеклянная с золотом вывеска сообщала, что клиентов обслуживает "Портъе". Гость выложил документы на стойку. Набриолиненный человек сейчас же оказался рядом, по ту сторону барьера, любезно поздоровался и профессионально быстро занялся новым клиентом. Сохраняя улыбку на молодой хитроватой физиономии, еще раз оглядел лицо прибывшего, чтобы сверить натуру с паспортными данными.

Николай Витальевич Егоров выглядел поджарым мужчиной пятидесяти лет с густыми еще волосами, кое-где тронутыми благородной сединой. Концы небольших усов, слегка загнутые вверх, придавали его лицу несколько самоуверенный, даже бравый вид, хотя Николай Витальевич с годами подрастерял былую лихость, раскованность и способность идти почти на неоправданный риск. Теперь он чаще вел себя осмотрительно, не искал приключений, чем часто грешил в молодости.

– Надолго к нам?– спросил человек в белом смокинге, держа над раскрытой конторской книгой авторучку с золотым пером. Неужто Паркер?

– Как пойдут дела,– расплывчато ответил гость.

– Цель приезда в наш город?– продолжил допрос молодой человек. Его перышко изящной легкостью порхнуло по странице, оставляя отлично читаемые буквы.– По служебным де-

лам или...

– По личным... – еще более расплывчато ответил гость, потом спохватился и пояснил: – У меня некоторые расстройства... психического характера... Хочу обследоваться в клинике у доктора Паранойтова. Говорят, он большой специалист в своей области, даром что живет и работает в провинции.

– Вы, наверное, имеете в виду доктора Понайротова?

– Точно! – смущенно улыбнулся гость. – Спутал фамилию... Говорю, у меня с головой что-то...

– Сейчас все немного с приветом, – без тени усмешки произнес молодой человек. – Век такой: стрессы, шиз, абстиненция... Да, Понайротов, самородок наш, быстро вас поставит с головы на ноги. К нам даже из Москвы и Питера приезжают... Значит, так и запишем: "цель приезда – лечение". А сами-то откуда будете?

– Э-э... из Саратова.

– О, Саратов! – встрепенулся служащий гостиницы. – Я там был проездом. Замечательный город! А какая там архитектура...

– Вы меня спрашиваете? – нахмурился клиент.

– Нет, это я восхищаюсь архитектурой. У вас там замечательно красивые дома. Модерн, начало века... Ну, в смысле, позапрошлого века еще...

– Да, у нас красивые дома, – вроде бы благожелательно согласился приезжий. Подумал и добавил уже более оживлен-

но: – А какая у нас набережная!..

– Вы меня спрашиваете?– удивился портье.

– Нет, это я вам отвечаю. Просто изумительный вид на Волгу. Такая ширь, такая ширь!..

– Ну-с, так и запишем – "Саратов". Вот и всё. Распишитесь...

Приезжий взял у портье ручку, наклонился над стойкой и поставил в книге подпись: "Егор..." – и длинный росчерк.

– О'кей!– воскликнул удовлетворенный портье. – Получите ключик. Ваш номер – двадцать пятый, двухместный, полуплюкс. Один из лучших на сегодняшний день...

– А что, одноместных нет?

– Одноместные временно опечатаны.

– Клопов травят? – вежливо поинтересовался, пришибленный на голову приезжий, пряча ручку в карман.

– Что вы! – совсем как старая бабушка всплеснул руками молодой человек. – Чего-чего, а с клопами покончено еще в прошлом веке. Просто... там сейчас ремонт. Обновляемся ха-ха-ха... Желаю приятно провести у нас время. Если заскучаете, ну, в смысле женского пола...

– Спасибо, мне не до этого...

– Понимаем-с, извините, – сказал человек в белом смокинге, низко к плоскости стойки пригибая набриолиненную голову, словно кладя ее на плаху.

Вновь прибывший клиент взял ключ у портье, подхватил легкий походный – командировочный – чемодан и, подняв-

шись по лестнице, направился по коридору на поиски своего номера, располагавшегося на втором этаже отеля. Пластиковая бирка, прикрепленная к ключу на короткую стальную цепочку, точно имела номер 25. Егоров остановился против двери с аналогичными цифрами, без проблем открыл дверь, очень умело выкрашенную в шоколадный цвет, но уже обшарпанную снизу ногами многочисленных постояльцев, – и вошел в свое временное жилище.

Номер был небольшой и не такой шикарный, как холл отеля, но приятный. Обстановочка более чем спартанская. Но Егоров и не страдал тягой к излишней роскоши, чего нельзя было сказать о его жене Луизе. (вообще-то её звали Елизавета, Лиза, но она предпочитала по-за граничному)

Одна кровать, стоящая в глубине, была заправлена с мужской небрежностью, другая – по соседству с окном – хранила неприкосновенность, чистоту и строгость линий, приданные умелой рукой горничной. Стало быть, это место еще не занято, и хорошо, что у окна. Егоров любил спать у окна. Привычка с пионер-лагерных времен.

Прибывший без колебаний покусился на девственность своего будущего спального места – бросил чемодан на койку. Следя как он подпрыгивает, оценил мягкость ложа средним баллом. После чего снял плащ, повесил на плечики, водворил одежду в пустой шкаф – вещей старожила номера нигде не наблюдалось. Дверца шкафа, как всегда и везде, скрипела

и не хотела закрываться без бумажной прокладки. Она лежала на полу, очевидно, выпала, когда Егоров открывал дверцу.

Николай Витальевич, кряхтя, опустился на корточки, так, что хрустнуло в коленях, поднял жгутиком свернутую бумажку и хотел было уже отправить в тесную щель, но его внимание привлекли латинские буквы, написанные от руки черной пастой или, скорее, гелем. Любопытства ради, Николай Витальевич развернул бумажку и прочел открывшийся текст.

Это было какое-то изречение на латыни, кажется, отрывок из молитвы. Егоров, в свое время в университете немало потративший сил, заучивая латынь, легко прочел и перевел написанное: "Dona vobis pacem" – "Ниспошли нам покой". Или «Даруй нам мир». Но первый вариант более презентативный. Интересно, подумал Егоров, кто этот человек, несомненно, грамотный и, возможно, религиозный, упражнявшийся в латыни?

Больше на этой стороне листка ничего не было. Лишь на обороте была нарисована забавная рожица тем же черным гелем, но явно детской рукой. Возможно, какой-то папаша с ребенком останавливался в этом номере, и оставили они после себя такой вот забавный документ, лучшего применения которому не нашлось, чем придерживать капризную дверцу шкафа.

Николай Витальевич, удовлетворив свое любопытство, свернул бумажку по имеющимся уже сгибам и отправил ее

по назначению – притиснул дверцу.

И тут всколыхнулось предчувствие, и мозг обожгло озарение. Он мысленно обратился к тексту ориентировки, с которой его ознакомил руководитель отдела по борьбе с похищениями при МУРе полковник Незлобин, его непосредственный начальник. Там значилось, что пропавший без вести гражданин по фамилии Толмачев, был профессиональным писателем. Писатель, писатель... Ну, конечно! Кто же еще, кроме писателя, у нас балуется в обиходе латынью?.. Все сходится, все сходится... Кроме рожицы. Впрочем, почему я решил, что рожица нарисована детской рукой? Может, просто писатель не умел рисовать. Не то, что Игорь Пикур – другой пропавший без вести человек из гостиницы "Ностальжи". Пикур был художником и довольно известным...

В общем, неплохая находка, стоит ее проверить – сличить почерк на бумажке с почерком рукописей писателя, изъятых сотрудниками местного уголовного розыска из номера пропавшего. Хорошо, что он писал по старинке – ручкой, а не печатал на машинке, или того хуже, с помощью ноутбука. Только есть тут маленькое "но". Писатель жил в номере 28. Каким образом его бумажка могла попасть в другой номер, в номер 25-й? Вот, кстати, почему она не была приобщена к вещдокам загадочно исчезнувшего Толмачева.

Егоров вновь открыл дверцу шкафа, заранее подставив

руку, чтобы поймать сразу выпавший бумажный жгутик. Развернул его снова и внимательно прочел несколько раз. "Dona nobis pacem".

– "Ниспошли нам покой", – тихо проговорил Егоров. – Похоже ли это на предсмертную записку? Особенно, если учесть смешную рожицу? Что бы это все могло значить? А может, это у него такой юмор своеобразный – смех сквозь слезы... Кстати, вспомнил, что такое же название – "Dona nobis pacem" – имеет fuga Людвига ван Бетховена.

Николай Витальевич почесал в затылке, потом сложил бумажку и спрятал себе в карман брюк. Господи, – сказал он себе через полминуты, – почему это обязательно что-то должно значить? Он же писатель. Сидел, думал, черкался на листке, ничего путного в голову не приходило, вот и писал всякую муть. Рожи рисовал. Как Пушкин. Как Гоголь, Как Достоевский... – все они были большие любители рисовать профили, анфасы и разные фигуры на полях рукописей. Это общеизвестный факт...

Егоров хотел было закурить, полез по карманам, но вспомнил, что бросил и огорчился. Машинально вытащил ручку и сжал кончик её зубами. Грызая ручку, стал сопоставлять имеющиеся уже факты.

Плащ и костюм писателя не обнаружили. Только чемодан. Вещи (запасные рубашки и нижнее белье) и деньги были на месте. Похищение с целью выкупа? Чего ж тогда деньги не

взяли? Может, просто сам ушел? Ночью. Тайком? Портье... хм... портье... утверждал следствию, что постоялец из номера не выходил, ключа не сдавал. Вечером зашел в номер, а утром не вышел... Случай повторился в точности, как и с художником, пропавшим ранее. Серийность получается... Дьявол!

Егоров швырнул ручку на стол, подошел к окну, придирчиво оглядел вид из него. На узком, загаженном карнизе соседнего дома толкались, изредка взмахивая крыльями, голуби. Новый постоялец поменял угол зрения, расплющив нос о холодное стекло: обычная провинциальная улица, спланированная и застроенная в прошлом веке, вернее, уже в позапрошлом, с ни чем не примечательными двух-, трех- и более -этажными домами. Кое-где виднелись небоскребы в двадцать этажей, как примета нового времени. На этом долговременном фоне суетилось мимолетное – цепочки прохожих, юркие автомобили.

Николай Витальевич минуту-другую боролся с оконными задвижками, как всегда залитыми белой краской, которая теперь засохла и держалась насмерть. Евроремонт сюда еще не добрался. Одержав, наконец, победу (с небольшой травмой пальца), гость отеля с треском распахнул створки и вдохнул теплый, слегка пахнувший бензином, воздух. В комнату сразу же ворвался шум и гам деловой улицы, гудки автомобилей

и восклицания энергичных прохожих, иногда непристойного характера. Мягкое, теплое, несмотря на сентябрь, солнце висело в небе, уже склоняясь к закату. Где-то вдали так же открылось окно, и стекло отразило блеск солнца. Приезжий подумал о зеркале, а от него – о том, что не мешало бы привести себя в порядок.

Николай Витальевич достал из чемодана свою любимую электробритву "Филипс", сходил в ванную, но не обнаружил там розетки. Пришлось бриться, стоя возле окна и глядя на себя в маленькое зеркало, приклеенное к внутренней стороне футляра от "Филипса".

Егоров отметил, что щеки его несколько отвисли (как у собаки, говорила Луиза), глаза потускнели, лоб изрезали морщины. Как быстро, однако, бежит время, подумал Николай Витальевич, ведь еще недавно, помнишь гостиницу в Вентспилсе? казак был хоть куда! Буфетчица Эльза, эстонка, была от тебя в восторге. Впрочем, что это я, с той поры столько лет пролилось, как вода в бездонную бочку. И я не был еще женат...

Он гладко выбрил щеки и подбородок. Тщательно подбрил усы. Каждый раз, когда он проделывал эту процедуру, вспоминались слова друга молодости: "Мужчина без усов – все равно, что без штанов".

Потом он вернулся в ванну и принял душ, состоявший почти из одного кипятка. Холодная вода бежала еле-еле. Хо-

рошо хоть не наоборот. Егоров боялся холода, не переносил сквозняков и вообще – резких перепадов температуры. На холод у него закрывалось левое ухо и начинало звенеть в голове. На сырость болью отзывалось коленная чашечка левой ноги. В общем, старость не радость. Но разве он стар? Недавно только полтинник разменял. Что же будет, когда стукнет семьдесят. А ведь стукнет. Еще как стукнет. Время не схватишь за хвост, не остановишь, и тем более не повернешь вспять. А как бы хотелось... вернуться туда, в туманную даль юности... в розовую невинность, в стыдливую неопытность...

Когда все в первый раз: машина, самолет, первая папироса, украденная из коробки на столе у отца. Неясные грезы половой близости, обязательно со взрослой женщиной, чьи черты сначала были абстрактны, а потом решительно приняли облик Милы. Она жила тут же в проулке, в соседнем доме, напротив, за железным узорчатым забором, сделанным из отходов металлоизделий. Мила, Мила, Мила Петухова, давно твой прах истлел в могиле, сгнил и рассыпался деревянный крест, даже холмика не осталось, осела и сравнялась земля, заросла густой травой забвения. И знать теперь никто не знает, где Мила, будто и не жила.

У Милы была несчастная любовь с одним непутевым парнем. В минуту отчаяния и непростительной глупости она вскрыла себе вены. В общем, обычная женская трагедия.

Летом их переулок зарастал травой: листья – зеленые метелочки, сверху зеленые горошины. Названия травы Коля не знал, но очень она ему нравилась. Невысокая, упругая, по ней приятно было ходить босиком. Трава была выносливой, только и позволила протоптать в своей плотной массе узкую тропку, тянущуюся через весь проулок. Машина здесь проезжала на памяти Коли раза два. Один раз, когда они приехали сюда, когда еще дом не был построен, когда еще стояла временка-землянка; второй раз проехали собачники и чуть было не поймали Боба – его любимую собаку, помесь овчарки с дворнягой, но крупную и сильную. Боб задремал на травке под забором Милы, и тут нагрянули душегубы собачьи. Один с длинной палкой в руке, на конце которой была сделана страшная петля из стальной проволоки, подло подкрался к жертве сзади. Колька крикнул: "Боб! Беги!" Боб вскочил, но петля уже накрыла его. Однако умный пес, наклонил голову и выскользнул из петли, бросился бежать. Колька верещал тоненьким голосом, что этого его собака, что живодеры – плохие люди. А те отвечали бездушными голосами: почему, дескать, собака без ошейника и без намордника?

В общем, на этот раз Боб спасся. Лишь через несколько лет его все-таки убили. Какой-то мужик, сволочь, застрелил его из ружья на чужой улице. Говорили, возвращался с

неудачной охоты, был зол, а тут навстречу ему бежит этакий волчара... Два ствола прогремели разом, слившись с предсмертным визгом несчастного животного.

Так погиб Боб. Геройской смертью. В его лице, вернее, морде, Николай потерял лучшего друга. Друзья детства. И потом... Их было много. И в школе и в универе, на юридическом, и в академии МВД... А чуть раньше, когда работал опером, еще не обстрелянный, потерял еще одного друга. Такого же молодого опера, как и он сам. И ведь не в бою с преступниками, вот что обидно. Николай там не был, но рассказывали – поехали на пикник, девочки, водка. Купались, катались на лодке. На моторной. Гена, его близкий друг, попал под винт... Глупая, страшная смерть. Остались жена и ребенок. Вовка. Между прочим, Николай Витальевич приходит к нему крестным. Жена Генки, Ольга, при редких случайных встречах на улице, попрекала: "Крестный, называется, никогда в гости не зайдет, пацана шоколадкой не угостит..."

Николая Витальевича всегда при этом охватывал жгучий стыд, и он начинал лепетать в оправдание, дескать, опер всегда испытывает острую нехватку времени на личную и общественную жизнь. Только работа, только проклятая работа!..

Это правда. Он вечно куда-нибудь опаздывает, едет, бежит, догоняет...

Из-за перманентной спешки, жена Луиза зовет его Кро-

ликом. Вечно спешащим Белым Кроликом из книги Кэрролла "Алиса в стране Чудес", который на бегу вынимает из жилетного кармана часы и восклицает: "Боже! Я опять опаздываю..."

ГЛАВА 2

Николай Витальевич переоделся в свежую рубашку, запер номер и пошел прошвырнуться по городу, а заодно "войти в контакт" кое с кем. По пути (в холле) ему встретила довольно милостивая женщина, лет, этак, тридцати пяти, с явно романтическим прошлым и неясным будущим. Потому что была слишком отзывчива на взгляды встречных мужчин, хотя золотое кольцо на ее руке говорило об узах брака, которыми она была связана с кем-то неведомым. "Хорошо бы с ней... – подумал Николай Витальевич, – провести время... Жаль, что некогда". Николай Витальевич немного лгал самому себе. Не так уж он был и занят, особенно сегодня, особенно в этот вечер.

Будучи от природы симпатичным на лицо, при высоком росте и спортивной фигуре, Егоров имел постоянный успех у женщин, но привязан, почти физиологически, был только к одной женщине – к своей жене Луизе Серафимовне, в девичестве Бобруйская. Она знала об этом болезненном свойстве натуры мужа и иногда даже злоупотребляла этим, доходя временами до легкого шантажа. Когда Николай Вита-

льевич уезжал в служебные командировки, Луиза была спокойна за целостность их любовного храма, знала, что ни трещинки нигде не возникнет и никакие колонны не рухнут.

* * *

Возвращаясь с конспиративной встречи, Егоров заглянул в ресторан при отеле. Найдя его уютненьким, решил поужинать. Цыпленок-табака был жестковатым, аджика слишком горькой. Николай Витальевич все-таки догрыз цыпленка, запивая его минеральной водой, вместо обычного в таких случаях бокала марочного вина. Это все, что Егоров мог себе позволить в свои теперешние годы. Пр-р-роклятая старость!

Наконец-то заиграли музыканты. Местный, провинциальный оркестрик. Они немилосердно фальшивили, и Джон Леннон, чью мелодию они уродовали, будучи живым, непременно застрелил бы их всех из револьвера 38-го калибра. Чтобы сразу и чтоб не мучились. К сожалению, Леннона самого застрелили. Как собаку. Как Боба. Почему убивают именно хороших людей и хороших собак? Как писатель сказал бы по-латыни? *Corruptio optimi*... – погибель лучших... Кто так неправильно устроил наш мир?

Егоров так огорчился, что неожиданно для себя заказал у жопастой официантки, обслуживающей его столик, порцию коньяку. Молодящаяся официантка принесла ему в тяжелом бокале жидкость чайного цвета и сразу попросила опла-

тить счет. Пока трезвый. А то знаем мы вас, говорило ее лицо- широкоскулое, с хитрыми зеленого цвета глазками, подведенными черным косметическим карандашом. Клиент заплатил по счету с астрономическими цифрами, дал еще на чай, получил сдачу в виде ослепительной улыбки. Золотые фиксы официантки тепло блеснули в свете софитов.

Оркестрик заиграл подвижную "Риориту", и Егоров машинально оглядел зал в поисках подходящей партнерши для танца, хотя вовсе не имел желания танцевать и вообще двигаться. К счастью, подходящих партнерш не было, даже неподходящие отсутствовали, очевидно, по причине нынешней дороговизны во всем. Сидели почти только мужики с бандитско-жуликоватыми мордами и уж слишком молодые девочки, готовые на все.

Тоже примета нынешнего времени. Мужики зарабатывали деньги, тратили их на девочек. Жены сидели дома. Как его, к примеру, жена Луиза. Кстати, чем она сейчас занята. Егорову как-то никогда не приходило в голову, что Луиза ему с кем-нибудь изменяет. Интересно, способна ли она на измену? Или он проецирует склонности своего характера на ее персону. Он однолюб. А она совсем другой породы человек. Она скорпион по знаку зодиака, а ведь скорпионы... Ох, уж эти скорпионы! Если кого-нибудь зацепят своим ядовитым коготком, как его в свое время...

Егоров полез в карман за сигаретами и сморщился от до-

сады, не найдя в кармане привычной пачки. Зато под руку попался сотовый. Что ж, придется позвонить домой, тем более что жена настаивала на постоянных сеансах связи. Кроме того, вести себя надо естественно. А что может быть естественнее, чем звонок жене. Волнуется, ведь, и всё такое...

Луиза взяла трубку почти сразу.

– Привет, Лу! Что делаешь?

– Привет, Кролик, смотрю телевизор... Ну, а как у тебя дела? Рассказывай.

– Да пока еще особо нечего рассказывать. Только приехал. Устроился неплохо. Приличный номер. Сейчас поужинал и пойду спать. Завтра поеду в санаторий, на прием к Понайротову...

– Ну и молодец, умница. Веди себя прилично... в смысле спиртного...

– Обижаешь, Лу...

– Ладно, ладно, я тебя знаю...

– Честное слово Кролика.

– Ну, хорошо.

– Ну, пока. Спокойной ночи.

– И тебе тоже приятных сновидений.

Луиза не знала об истинной цели его поездки, о его служебном задании. И хорошо, и так слишком часто приходится ей переживать за него. Два года назад при обследовании вдруг обнаружилось, что у нее был микроинфаркт. Вот так, а она и не заметила. Не хватало, чтобы это повторилось в более се-

рьезной форме. Родных надо беречь. А себя... что ж, такова его работа. Никто его в ментовку насильно не тянул. Друг Генка сагитировал. Хотя изначально планировал поступать на исторический...

Слегка подшофе, он пробирался к себе в номер по холлу отеля "Ностальжи" мимо витрин с импортной косметикой, местными сувенирами, музыкальными дисками, аптечными товарами и полупорнографическими журналами. Молодого лощеного человека за стойкой уже не было. Его сменила женщина. Ночной портье. Именно та женщина, которую Егоров повстречал по дороге в ресторан. Вот, значит, кто она, отметил про себя Николай Витальевич.

Женщина проводила его долгим взглядом бдительной хозяйки. Стало быть, продолжил анализ Николай Витальевич, тот первый взгляд, в коридоре, вовсе не был призывом к романтическим приключениям. Как же он мог так опростоволоситься. Это с его-то опытом знания человеческой психологии! Впрочем, окончательные выводы делать рано. Она ведь человек только *prima facie* на первый взгляд (лат.), на самом деле она женщина- существо из другого мира. Может, с Марса. У этих марсиан совсем другая установка на жизнь. Любят сочетать *utile dulci* полезное с приятным (лат.)... Счастье для них в жизни самое главное. А для мужчины- дело. Мужчина без дела, как член без тела. "Вай, Нико! Харашё сказал!"

Николай Витальевич Егоров остановился у журнального лотка.

– Куанто косто? сколько стоит?. (итал.) спросил он у молоденькой продавщицы, указывая на ближайшую обложку с обнаженной красоткой.

– Вы, что ли иностранец?– продавщица заговорила на повышенных тонах. Почему-то считается, что с иностранцем надо говорить громко, точно с глухим, тогда они поймут смысл.

– Си, синьорина.

– Это по-каковски вы говорите, по-испански?

– Итальяно...

– 42 рубля,– ответила синьорина, имея в виду стоимость журнала.– Вы, значит, итальянец? Бизнесмен?

– *Servitor di tutti quanti* покорный слуга всех, вместе взятых (итал.).

– Папарацци?

– Скорее уж патфайндер следопыт (англ.).

– А-а, дак вы русский,– слегка разочарованно сказала продавщица.

– Не то чтобы чисто русский...

– Ну да, я смотрю, вы говорите с акцентом.

– Сейчас все говорят с каким-нибудь акцентом. Время такое... Скажите, а почему нынче "Плейбой"?

– 76 рублей,– доложила продавщица, не дрогнув ни еди-

ным мускулом на гладком лице.— и то уцененный...

— Однако...— сказал Егоров в точности тем голосом, каким говорил Киса Воробьянинов, заказывая соленые огурцы в ресторане.— Простите, а не найдется ли у вас какого-нибудь журнала, если хотя бы не для ума, то, по крайней мере, для души, а не для тела?

— Не поняла...— озадаченно сказала продавщица, ее тонкие красивые брови придвинулись к переносице.

— Ну вот раньше были журналы, к примеру: "Техника-молодежи", "Знание-сила", "Нева", "Октябрь", "Вопросы философии"...

— Вот, пожалуйста, журнал с кроссвордами.

— К сожалению, я не умею разгадывать кроссворды.

— Господи! Да их сейчас разгадывает каждый дурак. Любимое занятие трудящихся.

— Уговорили. Сколько с меня?

— 10 рублей.

— Вам в какой валюте?

— А что, у вас разве разная есть? Если желаете выгодно поменять, я могла бы вас кое с кем свести...

— Я пошутил.

— То я и смотрю, вы такой шутник, прямо...

Егоров отдал деньги, сунул журнал под мышку и пошел к себе. "Портъерша" опять подарила ему взгляд: быстрый, потаенный. И тревожный.

Смотри, смотри, запоминай, подумал Николай Виталье-

вич о ней, играя роль человека с придурью, приехавшего лечиться у самого Понайротова.

Прямо по курсу Николай Витальевич увидел совсем уж молоденькую, как бы это помягче сказать – putain проститутка (франц.), которая стояла между колоннами аркады, возле лавки с пестрым хламом китайского производства.

– Salut!– приветствовал ее Егоров.– Скажите, милая, вы верите в *coup de foudre*?

– Чего?– встрепенулась девушка, и глаза ее разбежались в разные стороны, быстро оглядели зал и вновь сосредоточились на лице и фигуре подошедшего к ней мужчины.

– Я говорю: верите ли вы в любовь с первого взгляда?– повторил Егоров.

– Иностранец, что ли? двадцать баксов за раз, в губы не целуюсь, без резинки не даю,– быстро отрапортовала девица свою дежурную программу.– Согласны?

– А чем займемся *post coitus*?

– Чего?

– Ну, после того...

– Разбежимся, естественно.

– Вы полагаете, что это естественно?

– Можно еще раз, опять двадцать баксов. Ну дак сниматься мне или как?

Егоров смутился, оттого что попал в неловкое положение. Он просто хотел блеснуть шуткой перед хорошенькой девушкой и гоголем пойти к себе в номер, но получилось,

однако, так, будто старый хрен собирается прочесть лекцию на тему нравственности. И тогда, за такой срыв, Егоров решил себя покарать. Прямо и честно глядя в глаза девушке, он сказал:

– Прошу прощения, мадемуазель, я сегодня под градусом и, кажется, переоценил свои силы.

– Да ничего, случается хуже, – миролюбиво ответила putain. – Я здесь до утра работаю, если замаячит, звякните Эльвире.

Девушка кивнула в сторону стойки.

– А-а, так ее Эльвирой зовут, – догадался Николай Витальевич, – значит, она в курсе?

– Естественно, – ответила putain. – Я ей отстегиваю...

"Естественно!" – размышлял Николай Витальевич, поднимаясь по гостиничной лестнице. – "Как быстро все неестественное стало для них естественным... Так же, как убийства среди бела дня, похищения людей... Естественно..."

* *Т*

Егоров вернулся к себе в номер. Вечерело. День кончился, последние лучи золотили крыши. Сторожила все еще не было. Жаль, подумал новый жилец, не с кем потрепаться перед сном. В дороге, в чужом городе, перед чужим человеком легко раскрыть душу, в чем-то покаяться. Хорошо помогает. Очищает. К тому же, чужие обычно прощают почти все ваши

грехи и с легкостью дают индульгенции. Что ж, ляжем спать без покаяния. Только вот немного почитаем перед сном.

Тут он вспомнил про рацию, достал ее из кармана плаща— черная массивная коробочка с короткой толстенной антенной наверху. Николай Витальевич щелкнул миниатюрным переключателем. Рация ожила, захрипела, как мучимый приступом астматик, атмосферные разряды, насыщенные озоном, помогли ей прокашляться. Чувствовалось, что к городу приближается гроза. Егорова охватило нестерпимое желание заорать в микрофон что-нибудь несусветное, объявить ложную тревогу или отдать какое-нибудь дурацкое приказание, чтобы переполошить их всех там, засевших в соседних номерах, чтобы обосрались со страху,— но подавил в себе это хулиганский позыв, выключил рацию и спрятал ее под подушку.

— Нет, черт возьми, пить мне совсем нельзя...

Да, если бы не это пагубное пристрастие, Николай Витальевич Егоров давно бы уже занимал высокую должность в Министерстве Внутренних Дел. Мог стать хоть генералом— с его-то умом и легендарной интуицией... но не стал. В свои сорок пять лишь майор, а должность и того проще — все тот же старший опер. И то, если бы лично не взял убийц-отморозков Моторика и Зубаткина, оставаться бы ему капитаном. Все потому, что начальство частенько его ловило на работе выпивши... Парадокс — на Петровке пьют все (даже ино-

гда легендарная Анастасия Каменская из соседнего отдела), а попадаетея всегда Николай Витальевич. Такая уж его планида.

Нет, он не запойный алкоголик, может держать себя в руках. Даже никогда не зашивался. Ну, в смысле антабуса. Но иногда срывался на рюмку, другую, третью, четвертую... Особенно, когда был без Луизиного присмотра. Сами понимаете, что доверить руководство каким-нибудь отделом такому человеку начальство не решалось, и по-видимому, никогда не решится.

С другой стороны это даже хорошо для дела. Зато Николай Витальевич не превысил уровня своей компетенции, как это часто бывает с продвиженцами на высокие должности. Напротив, уровень его компетенции намного превышает его служебные обязанности. (Главное, не превысить уровень своей потенции, как любит шутить один знакомый опер) И чисто технически ему работалось легко. Он часто видел свет там, где для других был абсолютный мрак. За это, собственно, начальство его и ценило, поэтому он до сих пор и не вылетел со службы с позорным билетом в зубах. Более того, частенько из других отделов приходили к Егорову за советом и товарищеской помощью. Редко кому Николай Витальевич отказывал. Разве что самым бестолковым. Начальник отдела, Иван Евгеньевич Незлобин, его любил и всё жалел, что Николай не его зам. Вообще все в отделе его любили и ува-

жали. Ну, почти все. Кроме разве что замначальника отдела Стрекозина, по кличке Стрекозёл. Ну, так он ко всем плохо относится. Сволочь и карьерист.

Подполковник Стрекозин спит и видит, как уходит на пенсию начальник отдела Иван Евгеньевич Незлобин, чтобы занять его место. Стрекозёл дурак, того не понимает, что замы никогда, ну, почти никогда, не становятся начальниками. Если ты второй, то быть тебе вторым вечно. А новые первые приходят со стороны...

За окнами исчезли последние лучи солнца. В комнате быстро темнело. Егоров почистил на ночь зубы, разобрал постель, зажег ночник-фонарик над кроватью, взял со стола журнальчик, купленный в холле, и с наслаждением растянулся на чистых прохладных простынях. Как приятно было лежать в неподвижном помещении – ни качки, ни тряски, ни стука колес. Сюда, в Семисадов, в столицу Семисадовской области, Егоров из Москвы приехал поездом, да еще дал крюк через Саратов (по легенде, он из города на Волге – Саратова), а всё потому, что боялся летать на самолетах. Да, бесстрашный опер, не раз и не два выходивший одни на один с вооруженным бандитом, Николай Витальевича просто жуть охватывала, когда надо было садиться в самолет. Поэтому, если была альтернатива, он выбирал всегда поезд. Или машину.

Открыв журнал и вооружившись карандашом, Егоров сразу взялся за суперкроссворд. "По горизонтали: 1. Живопись первобытных людей. "Ну, это просто – граффито". 3. Муж, которому кажется, что жена изменяет ему даже с буффетом".

Егоров усмехнулся. Это про него сегодняшнего. Сегодня он приревновал. Ладно, а ответ, стало быть, будет – "ревнивец". Восемь букв... Подходит. Действительно, ничего сложного нет. Смотрим дальше: "6. Эстрадный певец-эмигрант, исполняющий народные песни". Кто такой? Фамилия короткая, всего из четырех букв. Скорее всего, еврейская, типа Герц, Кац – нет, это уже на три буквы. А, черт! Не так-то все просто...

Примерно через час из открытого окна потянуло холодком и сыростью. Егоров нехотя поднялся с постели. На улицах уже горели фонари, с каждой минутой становилось все темнее. Черное покрывало туч надвигалось на зеленоватый клочок чистого неба. По ногам дуло, Николай Витальевич притянул рамы и юркнул в теплое свое гнездышко.

ГЛАВА 3

Ночью он внезапно открыл глаза, ему показалось, что его разбудил какой-то шум. Голова его была ясной, как бывает, когда просыпаешься внезапно. Тем не менее, ему потребовалось несколько мгновений, показавшихся вечностью, что-

бы сориентироваться в обстановке. Прислушался. Что-то с шелестом упало на пол – журнал, который он читал. Темнота комнаты была очень глубокой и какой-то вещественной, почти осязаемо давящей на глазные яблоки так, что иногда мерцали не то искры, не то отблески молний – на дворе бушевала гроза. Издалека доносилось завывание ветра. И этому вою вторил еще какой-то, похожий на собачий. В самом деле, погода на улице – добрый хозяин собаку не выгонит. Видать, псина бездомная.

Когда глаза привыкли к темноте, он разглядел очертания стола и одного стула, который он передвинул, когда раздевался. Казалось, на стуле кто-то сидит, вроде как человек в шляпе. У Егорова слегка ёкнуло сердце. Послышался гул автомобиля, проехавшего по улице мимо отеля. Под колесом хлопнула крышка канализационного люка, которые почему-то всегда располагаются на дорогах, свет от фар мазнул по стенам номера, высветив на мгновение истину: сразу стало видно, что никто на стуле не сидит, просто на спинке висели брюки Егорова, пиджак и рубашка. Абажур настольной лампы зрительно соединился со спинкой стула и играл роль шляпы. Все просто объяснялось. Машина проехала, свет угас, и на стуле опять кто-то сидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.